Ю. А. Зубок

Рефлексия в саморегуляции социально-политических взаимодействий молодежи

Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН (e-mail: uzubok@mail.ru).

Аннотация: В статье рассматривается сущность рефлексии, её влияние на процесс саморегуляции молодежью взаимодействий в социально-политической сфере, оценки уровня доверия политическим институтам и собственной субъектности в сфере социально-политических отношений.

Ключевые слова: саморегуляция, рефлексия, социально-политические взаимодействия молодежи, доверие, ценности, свобода самореализации.

Всплеск активности молодежи после выборов в Государственную думу РФ, где она явилась одним из активных участников, как протестных акций, так и выступлений в поддержку действующей власти, реакции различных групп молодежи на происходящие процессы, избираемые молодыми людьми способы взаимодействия с политической системой, являются прямым следствием восприятия ими событий общественно-политической жизни. Это отношение определяется, как усвоенными в процессе социализации социокультурными образцами — ценностями, нормами, сформированными на их основе установками, так и ситуативными изменениями, индивидуальным и групповым опытом, интуитивными представлениями о возможном будущем и т.д. В совокупности они выступают основой индивидуальной и групповой саморегуляции.

Саморегуляционный механизм формируется на вторичной стадии социализации, которая характеризуется, прежде всего, развитием способности к активному познанию, осмыслению и переосмыслению, т.е. рефлексии.

В наиболее общем виде под рефлексивностью понимается отражение, осмысление индивидом социальных реалий на основе жизненного опыта[1]. Рефлексия является сложным процессом одновременно происходящей интерпретации и самоинтерпретации. Интерпретация основана на знании социальных процессов, осознании глубинного значения действий, поступков, смыслов и значений, исходящих от социальных институтов. При этом само

[1] *Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. — М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — С. 355.

знание дополняется его осознанием и выглядит как знание о знании, понимание. Иными словами, рефлексировать — означает «не просто знать, а знать, что знаешь»[1]. В обыденной жизни это проявляется в понимании молодым человеком смысла политики, реализуемой в разных сферах жизнедеятельности, соотношения различных групп интересов, действующих в политическом пространстве и т.д. Самоинтерпретация представляет собой способность личности сосредоточиться на самой себе и овладеть собой как предметом, обладающим собственной специфической устойчивостью и своим специфическим значением. Это способность личности познавать самую себя, и свою общественно-политическую роль.

Процесс включения молодежи в социально-политические взаимодействия сопровождается распознанием позитивной и негативной направленности действий других индивидов, выяснением степени близости или удаленности их социальной позиции от той, которая признается «своей». Так молодой человек устанавливает свою политическую идентичность, осваивает собственную политическую субъектность и на её основе регулирует взаимодействия с другими участниками социально-политических отношений. Не случайно с появлением рефлексии отечественный психолог С. Л. Рубинштейн связывал преобразование способов существования человека в мире[2].

Акцентируя наличие у индивида двух способов существования, он считал первый способ обычным существованием, когда «человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным его явлениям, но не к жизни в целом. Человек не выключается из жизни и не может занять даже мысленно позицию вне нее, столь необходимую для рефлексии над ней. Второй же способ существования — собственно и есть рефлексия. Она «...как бы прерывает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы... человек как бы занимает позицию вне нее»[3]. Выход в позицию «над» и «вне» позволяет субъектам взаимодействия не только прогнозировать события и действия друг друга, но и, корректируя свои действия, влиять друг на друга, все глубже проникая в глубины взаимопонимания или напротив намеренно вводя партнера в заблуждение[4]. Проявление субъектной саморегуляции, основанной на рефлексии выражается в моделировании и конструировании действительности, «социальном конструировании и переструктурировании реальности»[5], что подразумевает изменение самой действительности с целью приспособления ее к собственным целям

---

[1] *Шарден Пьер де Тейяр.* Феномен человека. — М. : Наука, 1987. — С.136.

[2] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — М. , 1989. Т.1 — С.117.

[3] Там же. — С.124.

[4] *Лефевр В. А.* От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. — 1990. — № 7. — С.25 – 31.

[5] *Ковалева А. И., Луков В. А.* Социология молодёжи. Теоретические вопросы. — М. : Социум, 1999. — С.152 – 188.

и потребностям. Поэтому рефлексивная саморегуляция отражает становление субъектности молодёжи в сфере социально-политических отношений.

Рефлексия возникает у молодого человека не сама по себе, а как результат определенного уровня развития мышления и самосознания. В этой связи самосознание рассматривается как «имманентно-рефлексивная самооценка личности, осознание ею самой себя как политического существа, своей роли (непосредственной или опосредствованной) и места в системе политических отношений. ...Ориентированное на субъективный мир личности самосознание связано с осознанием и соотнесением фактов сознания применительно к своему «я», одновременно демонстрируя неповторимую личностную уникальность и идентификацию с породившей её социальной средой»[1].

На основе анализа личной практики и практики других субъектов политических взаимодействий у молодого человека формируется собственное отношение к тем, или иным общественно-политическим процессам. Оно-то и становится отправной точкой саморегуляции, вызывая доверие или, наоборот, недоверие, удовлетворенность или неудовлетворенность, чувство защищенности или тревоги и т.д. При этом саморегуляция подразделяется на «регуляцию в течение короткого отрезка времени, т. е. в конкретной ситуации и регуляцию поведения на протяжении длительного времени в форме систематической работы личности над собой, реализации её идеальных замыслов»[2].

Первая носит скорее спонтанный и ситуационный характер. Но она, хотя и возникает от случая от случая в зависимости от политической конъюнктуры, несет в себе далеко не случайные образцы. Они могут быть связаны со сложившимися социальными практиками и прочно усвоенными стереотипами, которые воспроизводятся индивидуальным и групповым сознанием молодежи как отражение образцов массового сознания. Вторая — отличается осмысленным характером, она «основывается на опыте и итогах самопознания, сконцентрировавшихся в понятии человека о себе как личности с определенными стабильными особенностями...»[3]. Такая форма саморегуляции подразумевают внутреннюю рефлексивную деятельность.

Благодаря рефлексии отдельные составляющие деятельности (включая само мышление) и взаимодействий становятся объектом познания: возникают мысли о своих стремлениях, интересах и целях, о собственной когнитивной и эмоциональной реакции, внутреннем состоянии и настроении. Тот же механизм работает применительно к анализу собственных ресурсов и воз-

---

[1] *Капто А. С.* Самосознание политическое // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. — М. : Academia, 2009. — С. 419 – 420.

[2] *Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. — М. : Изд-во Инта психологии РАН, 2007. — С. 37.

[3] *Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Указ. соч. — С. 37.

можностей индивида. В социально-политических взаимодействиях — это, прежде всего, возможность участия в принятии общественно-значимых решений и разных формах влияния на этот процесс.

Самомониторинг ресурсов неизбежно влечет за собой рефлексию и в отношении социальной действительности, которая может восприниматься, как объективная и непоколебимая данность, находящаяся за пределами индивидуального контроля, либо как объект собственного проектирования, конструирования и изменения. В процессе рефлексии субъектом может выделяться любой необходимый ему в данный момент фрагмент действительности — объективной реальности, становящийся самостоятельным объектом познания и критического осмысления. Такими объектами могут выступать и политическое устройство в целом, и направленность политики государства в конкретной сфере, и характер сложившихся политических отношений, и результаты политических процессов (например, итоги выборов), и степень политической свободы, и уровень защищенности, и деятельность отдельных политических партий и их лидеров, а также собственная роль в политическом пространстве. В процессе рефлексии осмыслению подвергаются идеи, стремления и действия значимых других: институтов власти, политических партий и отдельных политиков, общественных организаций и неформальных объединений граждан.

Рефлексия, таким образом, представляет собой способность личности встать в позицию «наблюдателя», «исследователя» или «контролёра» по отношению к собственным действиям и интенциям, а также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его идеям и действиям.

Рефлексивный механизм проявляется, как на индивидуально-личностном уровне, так и на уровне общественной системы в целом. На уровне системы проявляется так называемая структурная рефлексивность (structural reflexivity), предполагающая, согласно Э. Гидденсу, наличие «рефлексирующей организации и реорганизации социальных отношений»[1]. Осмысливая «правила» и «ресурсы» социальной структуры, агенты рефлексии подвергают критическому анализу не только социальные условия своего существования, но и собственную деятельность, осуществляют самоанализ[2]. В современном обществе это является условием изменения взаимодействий между социальной структурой и агентами модернизации путем освобождения последних от принуждений и тотального контроля с целью расширения их свободы в формировании новой современности. А новая совре-

---

[1] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1991. — P. 21.

[2] См.: *Lash S.* Reflexivity and its doubles: structure, aesthetic, community // U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Reflexive modernization. — Cambridge: Polity Press, 1994; Beck U., Beck-Gernsheim E. The normal chaos of love. — Oxford: Polity, 1995; Giddens A. Modernity and self-identity. — Cambridge: Polity Press, 1991.

менность — в терминологии Гидденса — современность рефлексирующая. Если «простая современность», подчеркивает английский социолог С. Лаш, означает покорение индивидов и групп объективным условиям, то «рефлексирующая» — основывается на проявлении ими субъектности и активного гражданства. Если «простая современность», означает покорение индивидов и групп объективным условиям неопределенности, продуцируя их атомизацию, разрозненность и индивидуацию, то «рефлексирующая» — основывается на проявлении ими субъектности и активного гражданства, открывая позитивные возможности для автономной субъектности в отношении природной, социальной и психической среды, т.е. подлинной индивидуализации»[1]. Поэтому рефлексия — это важнейшее условие преодоления неопределенности как на социетальном, так и на индивидуально-групповом уровне.

Примером рефлексирующей организации могут служить молодежные движения и молодежные организации. Действуя совместно с государственными и другими общественными органами, они не только выражают интересы отдельных групп молодежи, но и призваны способствовать повышению уровня доверия в обществе. По Э. Гидденсу, взаимное доверие отражает стремление положиться на партнера взаимодействий в пределах допустимого или приемлемого риска и является ключевым элементом рефлексирующей организации. В достигнутом уровне доверия результируется взаимодействие субъектов социально-политических отношений как значимых, то есть обладающих определенным смыслом и ценностью, *предсказуемых,* априори надежных и безопасных. При этом выделяется два вида доверия. Доверие системе — способности органов управления снизить потенциальные риски, и доверие индивидам — убежденности в их надежности. Так, деятельность молодежных организаций может быть эффективной лишь при обеспечении доверия общественным организациям как таковым. Вместе с тем этого нельзя добиться, если отсутствует доверие на индивидуально-личностном уровне.

Примером рефлексии на индивидуально-групповом уровне являются спонтанные протесты недовольных результатами выборов, действиями властей, или представителей других групп.

Рассмотрим, как проявляется рефлексивный механизм в сознании молодежи и как влияет рефлексия на характер ее социально-политических взаимодействий.

Значимым показателем развития рефлексивного сознания является оценка значимости самой способности критически осмысливать свои действия и окружающую действительность в структуре ценностей молодежи.

---

[1] *Lash S.* Reflexivity and its doubles: structure, aesthetic, community // U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Reflexive modernization. — Cambridge: Polity Press, 1994. — P. 113.

Исследование показало[1], что в целом уровень рефлексивных устремлений молодежи не слишком высок. Коэффициент, отражающий ценностное отношение к ней составляет 4,78 по семибалльной шкале.

Однако, несмотря на относительно невысокий показатель, регулятивное влияние этого фактора на политическое сознание представляется значимым. Так, в группе с более высокой ценностью рефлексии, более высоким является уровень доверия политическим институтам. Однако направленность рефлексии не всегда имеет положительный вектор. Иными словами результатом рефлексии не всегда становится рост доверия. Может происходить обратный процесс его утраты. С одной стороны, рефлексия влияет на снижение порога неопределенности в сознании и в объективной реальности, что повышает регулируемость, как индивидуальных, так и системных действий. С другой стороны, в зависимости от значений и смыслов, которыми наделяются те или иные структуры в сознании молодых людей, направленность рефлексии может меняться (табл. 1). Так, негативное отношение в результате рефлексии снискали, преимущественно силовые структуры и, прежде всего, армия. Уровень доверия армии в группе молодежи с высокой ценностью рефлексии значительно (почти на 10 %) ниже, чем в противоположной группе. Та же тенденция, хотя, и существенно слабее выраженная, проявилась и в отношении к органам внутренних дел. Решающая роль в этом вопросе принадлежит СМИ.

Анализ влияния рефлексии на самоощущение субъектности молодежи в политической сфере осуществлялся на основе согласия с рядом высказываний, представленных в таблице 2.

Притом, что большинство российской молодежи не видит реальных возможностей своего участия в управлении, молодым людям с высокой рефлексивной способностью пессимизм свойственен менее, нежели тем, кто не отличается способностью к рефлексии. Об этом свидетельствует согласие молодежи с высказыванием «У таких людей, как я, нет никаких возможностей повлиять на действия власти». Однако, если в группе с низкой рефлексией так считают 84,1 %, то в группе критически настроенных молодых людей эта цифра снижается до 74,6 %.

Исследования показывают, что в группе с высокой ценностью рефлексии несколько выше оценка значимости поколенческой роли молодежи, выра-

---

[1] В статье использованы данные очередного этапа всероссийского социологического мониторинга «Социальное развитие молодежи», проведенного в 2007 среди молодежи в возрасте 15 – 29 лет в 12 регионах РФ. Объем выборки 1200 человек. Рук. В. И. Чупров. Данные всероссийского социологического исследования молодежных движений, проведенного Отделом социологии молодежи совместно с Институтом социологии РАН в 2007 – 2009 годах среди молодежи в возрасте 15 – 29 лет. Объем выборки — 556 участников 49-ти молодежных движений в 19 регионах РФ. Рук. М. К. Горшков, Ю. А. Зубок. Данные всероссийского социологического исследования «Отношение к объектам социальной реальности», проведенного Отделом социологии молодежи в 2011 году в 13 субъектах РФ. Опрос репрезентирует всё население в возрасте от 18 до 60 лет. Объем выборки 1301 человек. Выборка молодежи составила 323 чел.

Таблица 1.
Зависимость уровня доверия от рефлексии как ценности, в %

Институты	Уровень доверия по группам молодежи			
	В группе с высокой ценностью рефлексии		В группе с низкой ценностью рефлексии	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
Президенту РФ Медведеву Д. А.	64,1	13,0	56,1	15,5
Правительству РФ	29,6	34,6	26,1	36,0
Государственной Думе	19,6	43,0	14,4	46,2
Руководителям регионов	24,6	38,1	18,6	36,4
Органам внутренних дел	19,7	49,7	20,1	51,5
Суду	33,5	35,6	32,6	31,8
Прокуратуре	31,0	34,2	29,5	31,1
Армии	28,9	39,7	38,3	30,7
Профсоюзам	15,2	36,3	17,0	38,6
Церкви	47,3	20,0	38,3	20,1
Политическим партиям	7,4	54,2	6,4	52,3
Средствам массовой информации	33,2	32,5	26,9	36,4
Руководителям предприятий	20,8	35,5	13,3	39,4
Никому не доверяют	70,7		89,4	

Таблица 2.
Роль рефлексии в изменении ценностных установок в политической сфере, в %

Суждения	В группе с высокой рефлексивной установкой	В группе с низкой рефлексивной установкой
Сейчас все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	55,6	59,5
Благополучие человека зависит только от него самого, никто не должен вмешиваться в его жизнь, и ему нет дела до других	58,4	45,1
Сегодня главное в жизни — это деньги	56,8	62,5
Теперь нет честных и нечестных способов делать деньги, есть только легкие и трудные пути	63,7	65,5
У таких людей, как я, нет никаких возможностей повлиять на действия власти	74,6	84,1
Будущее за молодежью, она должна навести порядок в стране	69,7	62,5

женная в утверждении «Будущее за молодежью, она должна навести порядок в стране» (69,7 %), чем в группе с низкой рефлексией (62,5 %).

Повышенная рефлексия становится мощным фактором объединения молодежи, достижения синергетического эффекта совместных действий. В группе молодежи с сильной рефлексией доля участия в молодежных общественных организациях и движениях составляет 66,3 %, что почти в 4 раза выше, чем в группе со слабой рефлексивной потребностью (17,9 %). Между тем, подобное объединение не отменяет индивидуализацию, которая проявляется и в политических отношениях. Как видно из таблицы 2, рефлексирующая молодежь чаще приходит к выводу о том, что «Благополучие человека зависит только от него самого, никто не должен вмешиваться в его жизнь, и ему нет дела до других», чем их менее критичные сверстники (58,4 % и 45,1 % соответственно). Данное противоречивое явление свидетельствует о господстве индивидуализированных форм саморегуляции в условиях неопределенности и подтверждает отмеченные ранее процессы дезинтеграции.

Между тем, следствием рефлексии может стать не только усиление политической субъектности в смысле активизации роли личности или группы в политическом пространстве, принятие ответственности за реализацию своих интересов посредством смоорганизации, но и, наоборот, ее свертывание. Многое зависит от самоощущения возможностей. Самооценка возможностей молодежи реализовать свои интересы способна изменяться под влиянием высокой или низкой потребности в рефлексии. Молодежь с высокой рефлексивной способностью значительно выше оценивает свои возможности. Напротив, группа с низкой рефлексией склонна их занижать. Высокая рефлексивная способность становится внутренним мотивом поиска информации о ресурсах. Часто такие ресурсы обнаруживаются в личностных качествах самого молодого человека.

Осознание своих личностных особенностей — адекватная оценка своих знаний, умений, навыков, наконец, нравственная рефлексия позволяют ему овладеть самим собой как одной из важнейших общественных сил, т.е. проявить свою волю. Сама рефлексивная способность тем самым превращается в важный ресурс саморазвития молодых людей как политических субъектов. Чем более развиты рефлексивные способности, тем больше возможностей для такого развития и саморазвития обретает личность. В отличие от первой группы, во второй — недостаток самомониторинга часто приводит к недооценке внутренних и внешних ресурсов, что снижает их общую оценку, а вслед за ней и самоощущение собственной политической субъектности, неверие в возможность что-то изменить, отчуждению и нигилизму.

Как же это влияет на регулирование молодежью своих взаимодействий с политическими структурами? Среди тех молодых людей, чьи интересы не представлены в политической власти и чьи потребности не связаны с политической властью, характерны иждивенческие ориентации на патернализм

государства, нежели на активное взаимодействие с гражданскими институтами, которые, по их мнению, слабы и не способны решать социальные проблемы[1]. Это молодёжь, которая уклоняется от участия в политических отношениях, поскольку, по их мнению, их интересы все равно не будут учтены, и они не способны повлиять на политические события. Но при этом, сохраняя недоверии к институтам политической власти, они продолжают надеяться на помощь государства в решении своих проблем. Для данной группы молодёжи характерен тип мотивации, связанный с решением спонтанно возникающих проблем с признаками «ретреатизма» или «эскапизма» (Р. Мертон), который проявляется в разрыве с политическими институтами, в мотивированном отчуждении молодых людей. Эскапистская установка — результат разочарования и кризиса доверия в результате несоответствия деятельности политической системы ожиданиям молодёжи. Как следствие, формируется жестко прагматичная с признаками цинизма позиция, в центре которой желание получить хоть что-то.

Другой тип саморегуляционных установок отличает молодых людей, активно участвующих в политических отношениях, но в протестной форме, отрицающих установившиеся способы политических взаимодействий, официально пропагандируемые политические ценности. Они меньше всего полагаются на помощь государства при решении актуальных проблем. Данная группа молодёжи предлагает свою альтернативную модель саморегуляции, что позволяет рассматривать её как бунтарскую, или мятежную по классификации Р. Мертона. Это сторонники политических партий, молодёжных организаций и движений оппозиционной направленности. Подобные саморегуляционные установки характерны, как для левых радикальных молодёжных сил, так и для крайне правых организаций. В мотивации данной группы преобладают терминальные ценности, следовательно, в саморегуляции преобладает идейный, мировоззренческий смысл.

Третья группа объединяет молодых людей, которые также активно включены в политические отношения, но, в отличие от вторых, находятся в русле господствующих образцов политических отношений. Для данной группы молодёжи характерен инструментальный тип мотивации, связанный с решением прагматических целей. Рефлексия в отношении доминирующей политической ситуации диктует им принятие политического курса в форме приспособления. А инструментальная мотивация этой группы позволяет уточнить характер саморегуляции.

Приспособление может проявляться, как в форме привычного конформизма — согласия молодёжи с основным содержанием политических целей и средств, так и в форме ритуализма — использования средств при замене

[1] Этот тип ориентаций был зафиксирован еще в 2007 году. См.: От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян / Под ред. В. Федорова. — М. : ВЦИОМ, 2007. — С.174.

целей на иные. Так, 46,7 % участников молодёжных движений признали, что близость к власти может помочь людям сохранить уверенность в себе, оставаться личностью. Близость к политическим кругам как форма личностного самоопределения — возможный способ индивидуализированной рационализации, однако может оказаться весьма далеким от общественно значимых ценностей.

Подобная деятельность — суть имитации политической деятельности, целью которой является решение вопросов собственного благополучия и продвижения. Так, в мотивационной структуре участников молодёжных движений выделяются мотивы, не связанные с идейной направленностью движений. Это стихийно возникающие, так называемые, экспрессивные мотивы. Среднее значение мотивов, отнесенных к этому типу, составило 11,3 %. Но есть и другие мотивы, которые хотя и связаны идейной направленностью движений, но отличаются сугубо инструментальным характером (28,1 %)[1] , что как раз и свидетельствует об имитационной форме адаптации к сложившейся политической реальности. Политическая реальность воспринимается индивидом как игровая, где действуют свои правила.

Имитационная практика саморегуляции участия молодых людей в политических взаимодействиях связана с низкой идейной мотивацией уступающей мотиву конкретной материальной или карьерной заинтересованности. Как форма саморегуляции политических взаимодействий молодёжи имитация все чаще выражается в форме играизации (термин С. А. Кравченко). Как отмечает С. А. Кравченко, «в сознании таких индивидов присутствуют знания и умения, являющиеся результатом разумного осмысления социального опыта, включающего опыт управления неопределенностями и рисками, оперирования, как образами реальности, так и знаковыми кодами и симулякрами». Суть играизированного сознания сводится к симуляциям, «ибо, по существу симулякры и симуляции, знаковые коды, входящие в субъективную социальную реальность, начинают доминировать и таким образом влиять на характер поведения индивидов»[2]. В социальной психологии применение играизационных стратегий связывается с феноменом «обучаемой беспомощности». Субъект, который теряет контроль над ситуацией, отказывается от дальнейшей активности. Однако «менее подвержены этому феномену те, кто обладает высокой самооценкой и чаще воспринимает всю ситуацию как игру»[3]. Подобное восприятие реальности позволяет субъекту политических отношений видеть спектр возможностей и перспектив, но уже иного свойства. Происходит смена

---

[1] См.: *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // Социология власти. — 2011. —№ 6. — С. 920.

[2] *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. — М. : МГИМО — Университет, 2006. — С. 164.

[3] Трансформация играизационных структур в современной России / Под. ред. Т. Г. Стефаненко. — М. : Московский общественный научный фонд, 2001. — С. 36.

сущности при сохранении формы. Тем самым, индивид переводит ситуацию неопределённости в ситуацию субъективного риска, т.е. придает некоторым событиям определённую вероятность. Риск здесь может заключаться, например, в попытке заработать политический капитал, возглавляя акции протеста.

Играизация отражает ни что иное как способность молодых людей к рефлексии и предвидению возможных изменений. Поэтому она неразрывно связана со способностью легко менять свои политические роли или идентичности. «Иррациональная и деструктивная функция играизации — пишет С. А. Кравченко, — в значительной мере уравновешивается её латентной функцией, стимулирующей самоорганизацию и саморефлексивность индивидов в условиях нелинейной социальной реальности»[1]. Использование игровых практик в политических взаимодействиях выражает процесс подчинения потребностей и интересов инструментальным ценностям в мотивационной сфере политического сознания молодёжи. Механизм саморегуляции, таким образом, преодолевает отклонения, связанные со слабыми идейными мотивами субъекта участия в деятельности политической организации, отражающие доминирование инструментальных ценностей над терминальными.

Распространение играизированных практик в политических отношениях позволяет судить о противоречии в самом механизме саморегуляции. С одной стороны, «помыслы и действия играизированного индивида направлены на то, чтобы выгодно реализовать себя в том или ином игровом пространстве»[2], с другой стороны, — данные ориентации не отражают истинных интересов индивида в политической сфере. Между тем, они способствуют включению молодых людей в политические взаимодействия на основе принятия укоренившихся правил игры. В ситуации смысловой неопределённости игра по правилам становится не средством, а прагматическим смыслом саморегуляции.

Расширяя пространство свободы выбора, рефлексия значительно усиливает адаптивные способности молодых людей. Вместе с тем, способность к рефлексии сама может изменяться вместе с изменением пространства свободы самоопределения. Так, в группе с высокими возможностями самоопределения уровень рефлексивной способности заметно выше, чем у молодых людей, чьи возможности, по их самооценкам, остаются крайне низкими (соответственно К = 5,16 и 4,62 по семибалльной шкале). В этой связи можно говорить о диалектической связи между рефлексией и свободой самоопределения в политической сфере.

Диалектика рефлексии и свободы самоопределения заставляет обратиться к данным кросс-культурного исследования Р. Инглхарта и К. Вельцеля о связи либеральной демократии и ценностей самовыражения. В ходе исследования

---

[1] *Кравченко С. А.* Указ. соч. — С. 159.

[2] *Кравченко С. А.* Указ. соч. — С. 160.

однозначно было установлено, что вектор взаимосвязи направлен от культурных изменений и утверждении соответствующих ценностей к установлению демократических институтов и повышению давления на власть, а не наоборот. И чем выше ценности свободы и самовыражения, а не подчинения и выживания, тем выше уровень демократии, ответственнее власть и, как следствие, еще более расширяются возможности[1]. Представляется, что схожий, хотя и не в полной мере, механизм характеризует взаимосвязь рефлексии как ценности со свободой политического самоопределения молодежи. Чем выше потребность в критическом осмыслении правил и ресурсов политической системы, чем чаще индивиды и коллективы подвергают критическому анализу не только социальные условия своего существования, но и собственную деятельность, осуществляя самоанализ своего места и роли в политических отношениях, тем выше их способность воздействовать на самих себя в пространстве саморегуляции и действовать в рамках тех, или иных форм политического участия, реализуя свои политические интересы.

Внутренним регулятором направленности рефлексивного сознания выступают ценности. Их связь с рефлексией прослеживается в полной мере. Высокий уровень рефлексии способствует повышению значимости практически всех ценностей, даже в случае, если они имеют одинаковый в обеих группах, либо вовсе меньший ранг. Об этом говорят более высокие средние значения коэффициентов в первой группе. Так, ценность индивидуальности и независимости, как неотъемлемая часть демократических ориентаций, обладающая одинаковой ранговой позицией в обеих группах (4-е место), в абсолютном значении оценивается выше в группе молодежи с высокой рефлексивной способностью, чем среди молодежи, к рефлексии не склонной (соответственно К = 6,13 и 5,38 по семибалльной шкале). Аналогичные тенденции отмечены в отношении ценностей свободы выбора, равенства возможностей, ощущения собственной значимости. Высокая рефлексивность повышает уровень определенности в структуре ценностных ориентаций молодежи, делая их более выраженными и, тем самым, усиливая социокультурные механизмы саморегуляции социально-политических взаимодействий.

Таким образом, рефлексивный механизм позволяет адекватно воспринимать сложившуюся политическую реальность и свое место в ней, молодёжь считывает и воспринимает соответствующие смыслы, транслируемые субъектами политических взаимодействий. Она улавливает свойства элементов социально-политической реальности, постигая смыслы политических явлений и процессов через их знаковые черты. На субъективном уровне в результате рефлексии в политическом сознании складываются регулятивные механизмы, которые связывают доминирующие и новые смыслы с нормами и ценностями, потребностями и интересами самих молодых людей, способствуя их ори-

[1] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М. : Новое издательство, 2011. — С. 355.

ентации в социально-политическом пространстве и определяя характер саморегуляции взаимодействий в сфере политических отношений. Развитие уровня рефлексивных способностей молодежи непосредственно связано с расширением ее участия в политической жизни общества. Осознанное участие в выборах, включенность в деятельность политических партий, приобщение к различным формам политической самоорганизации в молодежных объединениях и движениях, интерес к политической информации в СМК, участие в разрешенных протестных акциях — являются факторами политической социализации и формирования осознанной рефлексии политических процессов.

Список литературы

1. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // Социология власти. 2011. № 6.
2. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
3. *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М. : МГИМО — Университет, 2006.
4. *Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007.
5. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991.
6. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The normal chaos of love. Oxford: Polity, 1995.

© Зубок Ю. А., 2012